

Лазарева, Д.И. Сочинение К. Крживицкого «Польша и Россия в 1872 году» в контексте истории польской общественно-политической мысли второй половины XIX в. / Д.И. Лазарева // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2004. — С. 136–142.

Лазарева Д. И.,
старший преподаватель

СОЧИНЕНИЕ К. КРЖИВИЦКОГО «ПОЛЬША И РОССИЯ В 1872 ГОДУ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В 1872 г., в столетнюю годовщину первого раздела Речи Посполитой, в Дрездене вышла небольшая по объему книга или, как тогда выражались, «политическая брошюра» — «Польша и Россия в 1872 году». Издание было анонимным, однако авторство не являлось тайной для современников. Оно принадлежало жившему в Дрездене Казимиру Крживицкому. Он был одним из высших чиновников Царства Польского в краткий период «реформ Велепольского», который предшествовал восстанию (июнь 1862 — январь 1863 гг.).

Сведения о жизни К. Крживицкого достаточно отрывочны, особенно о юности. Родился он в 1820 г. «на Волини» в бедной шляхетской семье [8, с. 570]. Поступив в Дерптский университет, он окончил его в 1844 г., получив степень магистра философии. В том же году в Дерпте было издано его сочинение по статистике «Die Aufgabe der Statistik» — вероятно являвшееся его магистерской диссертацией. Женившись на Антонине фон Вельде, дочери инспектора университета, он в 1845 г. переехал в Санкт-Петербург, где поступил на работу в Административный департамент Министерства внутренних дел. Одновременно он продолжал заниматься научной работой, тематически связанной с его служебными обязанностями. В 1846 г. он был командирован в Дерпт с задачей уточнения статистического описания этого города. Во время этой годичной командировки он издал новую работу, посвященную проблемам государственных финансов, за которую в 1846 г. Дерптский университет присудил ему степень доктора философии. Вернувшись в Петербург, К. Крживицкий продолжал успешную карьеру в МВД (чиновник по особым поручениям, член различных комиссий) и в 1858 г. был переведен во II Отделение Императорской Канцелярии, ведавшее вопросами кодификации, где получил в 1861 г. чин действительного статского советника.

Поворотным моментом в его жизни можно считать вторую половину 1861 г., когда из Варшавы в Петербург приехал после отставки с постов министра народного просвещения и исповеданий и министра юстиции Царства Польского маркиз Александр Велепольский. «Польский реформатор, не знающий ни слова по-русски и очутившийся впервые в жизни, на самом склоне лет, и в конце многотрудного поприща в северной столице...» [6, с. 262], никогда не служивший, не имевший никакого чина и питавший «глубокое отвращение к бюрократическим приемам и порядкам» [6, с. 264], нуждался для защиты своих идей и планов при дворе и в правительстве в людях, знакомых «изнутри» с этими бюрократическими структурами. Казимир Крживицкий был именно таким человеком и, очевидно, искренне сочувствуя, реформаторскими планами маркиза, активно включился в процесс их утверждения в высших сферах Петербурга [8, с. 571]. И эту активность, и последующие перемены в судьбе К. Крживицкого, вряд ли можно объяснить чисто карьер-

ными соображениями. Только общность идей и понимание необходимости, вытекавшей из этих идей программы реформ А. Велепольского, могло побудить Крживицкого сменить успешную карьеру в благополучном Петербурге на мятежную Варшаву.

В июне 1862 г., когда Александр II утвердил наместником Царства Польского великого князя Константина Николаевича, а начальником Гражданского управления Царства — Александра Велепольского, Крживицкий был назначен на одну из важнейших, с точки зрения предполагаемых реформ, должность — главного директора Государственной комиссии религиозных исповеданий и народного просвещения — пост, который занимал сам маркиз (в ранге министра) в первой половине 1861 г. Общее настроение и направление деятельности нового директора хорошо передает, как нам кажется, одна фраза из речи, произнесенной им при торжественном вступлении

в должность: «Мы призваны исполнить Высочайшую волю: да будет свет в стране. Благородные души наградят нас признательностью, на крики неблагоприятных мы не обратим внимания, а свет должен все-таки быть в стране — он и будет!» [6, с. 288].

Действительно, в сфере народного просвещения К. Крживицкий развил очень активную деятельность. Для занятия кафедр Главной школы в Варшаве, политехнического и аграрно-лесоводческого институтов в Пулавах, приглашались польские профессора и ученые как из российских университетов, так и из Кракова, Познани, Львова и даже Парижа. Разрабатывался новый «Устав о народном образовании Царства Польского», новые программы для средней школы и другая документация. Несмотря на то что новый директор был чужим и для варшавского общества, и для высших русских чиновников Царства Польского, несмотря даже на личную драму — развод с женой, незаурядные организаторские способности Крживицкого, его такт и умение объединять вокруг себя единомышленников, позволили в кратчайшие сроки справиться с поставленными задачами. В октябре 1862 г. начали работать все реорганизованные средние учебные заведения Царства Польского, а так же институты в Пулавах, а в ноябре — Главная школа в Варшаве.

Восстание и последовавшая за этим отставка А. Велепольского парализовали деятельность К. Крживицкого. Еще весной 1863 г. великий князь Константин Николаевич, очевидно в связи с неоднократными прошениями маркиза об отставке (первое датировано 3 апреля 1863 г.), предложил Крживицкому занять должность А. Велепольского. Это предложение не было принято. 5 июня 1863 г. Крживицкий уходит в отпуск (по состоянию здоровья) и уезжает на три месяца за границу. Вернувшись в Варшаву в конце сентября, он подал прошение об освобождении от должности директора. Прошение было удовлетворено, однако непосредственно вслед за этим он был назначен действительным членом Государственного Совета Царства Польского. В апреле 1864 г. он вновь подал прошение об отставке, выехал за границу и обосновался в Дрездене, где вскоре поселился и Велепольский.

О жизни Крживицкого в Дрездене мало данных, известно лишь, что он продолжал тесные отношения с маркизом. В начале 1867 г. А. Велепольский был парализован. До самой его смерти в декабре 1877 г., к нему «неподвижному, но сохранившему всю память и все светлые умственные способности... никто не был допускаем, кроме семейства... и бывшего сотрудника маркиза

Казимира Крживицкого» [6, с. 331]. Известно также, что последний очень страдал от профессиональной невостребованности и даже пытался вернуться во второй половине 70-х гг. на действительную службу в Варшаву или Петербург. Однако переписка по этому вопросу не дала результатов, а личная поездка так и не состоялась. После смерти Велепольского Крживицкий переехал к сыну в Гейдельберг, где и умер в 1883 г.

Несмотря на очень активную и плодотворную деятельность в Варшаве на административно-политическом поприще (пусть кратковременную уже и трудно различимую на фоне событий 1863—1864 гг.), место К. Крживицкого в истории общественно-политической мысли Польши определило авторство упомянутой брошюры, которая произвела на современников достаточно сильное, хотя и вряд ли благоприятное для автора впечатление. Эта работа уже в 1872 — 1873 гг. была переведена на русский язык и опубликована в Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете [5], чего, насколько нам известно, до 1905 г. не удавалось ни одно заграничное издание по польскому вопросу. Однако русская общественная мысль восприняла идейную позицию Крживицкого очень сдержанно.

Автор обширного предисловия (он же, скорее всего, и переводчик), скрывшийся за инициалами А. Х., снабдил публикацию многочисленными подстрочными примечаниями. Принятая им интерпретация текста сочинения К. Крживицкого весьма виртуозна. Прежде всего А. Х. считал необходимым обратить внимание читателя на то, что «Сочинитель Поляк чистосердечно ратует за слияние Русской народности с Польскою. Поляк и чистосердечие, когда речь идет о России! Достаточно (этого)... чтобы увидеть совершенно иную подкладку под всеми увещаниями, с которыми сочинитель обращается к своим соотечественникам... Но так только кажется: сомневаться в искренности г. Крживицкого нельзя... он прибегает к натяжкам не по лицемерию, а в следствие необходимости..., г. Крживицкий сам Поляк... и должен был прибегать ко всевозможным ухищрениям и уступкам, лишь бы быть выслушану, не накликав на себя обычных между ними обвинений в измене и продажности...» Именно эти ухищрения вынудили издателя «оградить примечаниями все исторически неверные места... просим не считать резкие, даже может быть очень резкие замечания наши, направленными непосредственно против автора: они относятся к той партии, которую он желает вразумить, притворяясь, как мы убеждены, человеком, разделяющим ее заблуждения» [5, Предисловие, с. 1—3].

Подобная тактика позволила А. Х., прямо не отрицая перспектив сближения Польши и России на общеславянской почве по схеме, предложенной К. Крживицким, подвергнуть сомнению все

построения автора с помощью резко полемических примечаний. При этом необходимо заметить, что автор предисловия явно не разделял перспектив, намеченных Крживицким и, по всей видимости, даже в принципе их не одобрял, хотя открыто отвергать их было невозможно. Кроме того, многие из этих примечаний были исторически некорректными.

В чем же основная суть сочинения К. Крживицкого? Уделив более двадцати страниц достаточно общим «историософским» рассуждениям об истории и судьбах Польши, России и славянства в целом, и подробно аргументировав свое убеждение о невозможности даже в будущем успешного восста-

ния Польши против трех государств, разделивших ее, автор утверждает, что: «...мы дожили до того места, от которого расходятся разные дороги: одну из них нужно избрать решительно. В главных чертах мы уже видели, какие именно это дороги. Они ведут: Одна к Немцам. Другая в Австрию. Третья в Россию» [5, с. 28].

Далее К. Крживицкий решительно отказывается от «немецкой дороги», аргументируя этот отказ тем, что эта «дорога» прямо ведет к территориальной колонизации и онемечиванию Польши [5, с. 28—37]. Не верит он и в «австрийскую дорогу», предвидя, с глубоким пониманием геополитической ситуации, призрачность надежд на политическую концепцию, которая позднее получила название «габсбургского панславизма». По мнению автора, эта дорога также ведет в конечном счете к потере не только национальной, но и славянской идентичности [5, с. 38—51]. Далее автор решительно избирает третью дорогу, «заходя» по ней значительно дальше, нежели кто бы то ни был из его идейных предшественников, в том числе и сам А. Велепольский.

Перспективы развития Польши, отстаиваемые К. Крживицким, видятся ему следующим образом: «...из самых благородных начал разбитого польского общества составится раньше или позже большая консервативно-славянская партия. Лозунгами этой партии будут: «Политическая уния с русским народом навсегда, а через Россию и с остальным славянством; цивилизация, а через нее нравственная уния с человечеством» [5, с. 81—82]. Крживицкий высказывается за сохранение родного языка, «которого нельзя отнять у народа, пока он сам от него не откажется», однако его идея добровольной и сознательной политической и культурной унии (фактически — слияние) с Россией, несомненно, является примером «крайних» политических взглядов этой эпохи, что возможно и побудило автора к анонимности.

Действительно, польская публицистика практически единодушно оценила это сочинение как призыв, провоцирующий «политическое самоубийство нации». Его призыв добровольно и сознательно пожертвовать очень многим (в перспективе — возможно даже и языком) ради общеславянских и «общечеловеческих» ценностей, не могло не вызвать резкой критики и неприятия не только у явных националистов, таких как И. Крашевский, но даже и у такого реалиста как, например, В. Спасович.

Тем не менее нам представляется, что эта «анонимность» была продиктована не столько какими-либо опасениями автора, сколько желанием лишить рассматриваемую проблему личностных характеристик, подчеркнуть, пусть даже иллюзорную, но необходимую, с его точки зрения, степень абстрагирования от партийно-групповых интересов и пристрастий и побудить к тому же читателя. Иначе говоря, К. Крживицкий стремился к тому, чтобы излагаемые им идеи воспринимались не только вне «личного», но и вне «общественно-политического» фона эпохи. Чем же могло быть вызвано подобное стремление?

Попытаемся взглянуть на ситуацию, сложившуюся к моменту издания этой работы, глазами современников. Последствия поражения восстания 1863—1864 гг. были гораздо более значимыми и многосторонними, нежели тридцать лет назад. Если применительно к ситуации 1830-х гг. можно, хотя и очень упрощенно, говорить о «военно-политическом поражении» восстания, то с эпохой 1860-х гг. связан не только военно-политический, но и идеологи-

ческий разгром. «Польское общественное мнение... было подавлено и растеряно, не знало, чему верить и чего ждать» [4, с. 85]. Участники восстания еще долго не могли опомниться от пережитых потрясений, были не в силах не только примириться с новой реальностью, но и просто разобраться в ней. «От эпохи восстания приблизительно до конца 60-х гг. мы слышим страшную разногласицу, в которой лишь понемногу начинают вырабатываться голоса, определившие на долгое время характер польской политической мысли». [4, с. 4]. Публицисты и политики колебались от полного отрицания каких-либо позитивных результатов восстания, до признания за ним провиденциальной жертвенной миссии [3, с. 1—5; 7, с. 57; 9, с. 76].

Идейную неразбериху и разногласия усиливали и все еще сохранявшееся в самом польском обществе и в эмигрантских кругах надежда на вмешательство европейских держав. Даже в российском, а тем более польском общественном мнении, так называемый «польский вопрос» все еще имел в какой-то степени международную окраску, хотя и сводился к «влиянию стремлений поляков к независимости на международные отношения» [2, с. 8]. В польском обществе надежды на иностранное вмешательство носили гипертрофированный и в определенном смысле маниакальный характер. По свидетельствам отдельных, критически настроенных современников, текущая политика поглощала все внимание, причем, в политических событиях, во что бы то ни стало, выискивалась их связь с Польшей. Все события — от театральных постановок в Париже и до важнейших международных инициатив Наполеона III, — понимались как прелюдия к освобождению Польши. Как характерный пример А. Л. Погодин цитирует анонимную корреспонденцию, напечатанную в 1865 г. в одном из номеров газеты «Dziennik Warszawski»: «...Настроение умов в Варшаве заключалось в слепой ненависти ко всему русскому да в легкомысленной надежде избавиться от москалей при помощи иностранного вмешательства. На императора Наполеона и Гарибальди возлагали все свои надежды. В сочувствии Наполеона не сомневались, а Гарибальди таки попросту ждали в Варшаве с его волонтерами» [4, с. 57].

Крах Второй Империи в 1871 г., хотя и оказал в долгосрочной перспективе отрезвляющее воздействие на польскую общественно-политическую жизнь, однако добавил отрицательных эмоций в период 1870-х гг. Трудно сказать был ли прав А. Погодин, связывавший появление работы К. Крживицкого именно в 1872 г. с падением Наполеона III [4, с. 64], но если написать ее автор мог и ранее, то опубликовать, с надеждой на то, что ее хотя бы прочитают до конца, — мог, скорее всего, только после 1871 г.

Однако, несмотря на крайне отрицательную в целом оценку идей К. Крживицкого польским общественным мнением, взятые по отдельности и при внимательном рассмотрении эти идеи не представляются столь уж новыми и одиозными. Еще в 1846 г. в связи с кровавыми событиями в Галиции А. Велепольский в «Письме польского шляхтича», фактически адресованном австрийскому канцлеру князю К. Л. Меттерниху, пишет: «Готовится новая будущность, надо на что-то решиться... Вместо того, чтобы истощаться вымалыванием себе положения на Западе, мы можем, войдя в себя, создать себе будущность в противоположном конце и проложить себе дорогу сквозь недра колоссальной державы. Становясь все более и более неспособными совладать со своею судьбою, как политическое целое, как государство, мы можем

обрести новую, как люди того же племени... В сознании славянского единства должны погаснуть ненависти наши» [6, с.45]. Необходимо отметить, что и А. Велепольский не приписывал себе авторства этой идеи, восходящей, по его же высказываниям, к сочинениям С. Сташица и получившей дальнейшее развитие у А. Чарторыжского и ряда других авторов [6, с. 45].

Некоторые современники К. Крживицкого также высказывали сходные мнения. Публицист А. Колонна в работе, написанной в 1865 г., доказывает, что Польша могла бы возродиться (как государство!) только в союзе с Россией. Условием этого автор считает сознательный и добровольный отказ от «Литвы и Украины» и возвращение Польши к своим этнографическим границам. К. Микошевский, один из «непримиримых» и бывший член «Народового жонда» в этом же 1872 г. заявляет, что «будущность Польши в силах удовлетворительно устроить, с пользой для себя же, только русские» и даже пытается организовать «Общество друзей соглашения Польши с Россией и федерации славянских народов» [1, с. 206].

В 1883 г., то есть в год смерти К. Крживицкого, один из самых известных публицистов того времени, теоретик движения «органического труда» А. Свентоховский в статье «Политические указания» доказывает, что польский народ должен отречься не только от всяких повстанческих идеалов, но даже от мечты о восстановлении собственного государства. А. Л. Погодин приводит обширную цитату из его статьи: «С либеральной точки зрения нам бы не представлялась вовсе несчастьем потеря собственных политических учреждений. По нашему мнению счастье народа совсем не находится в ближайшей связи с силой и политической самостоятельностью его, но зависит от возможности участвовать во всеобщей цивилизации и развивать собственную культуру... Теперь грезы о восстановлении внешней самостоятельности должны уступить свое место стремлениям к внутренней самобытности...» [4, с. 387—388].

По мнению публициста и общественного деятеля А. Воротновского прочный компромисс между Россией и Польшей (в границах России), который не имел никаких шансов на успех при А. Велепольском, несомненно будет достигнут и произойдет это на почве роста общеславянского сознания как в России, так и в Польше: «Чистая славянская идея» представляет единственную основу, на которой Россия должна построить свою политику по отношению к славянским народам, но к этой цели надо идти со своей стороны и полякам, что требует, во-первых, полной лояльности, а во-вторых, терпения» [9, с. 297]. Сходные высказывания и идеи можно найти в многочисленных

работах краковского публициста Ю. Мошинского, в журнальных и газетных статьях Э. Пильца, А. Стравевича и ряда других авторов.

Оценивая, в более чем столетней перспективе, идеи и выводы К. Крживицкого, мы можем легко заметить, что он призывал польское общество пожертвовать прошлым и настоящим, ради «абстрактно-идеального» будущего, ожидая соответствующих встречных шагов и от русского правительства. «Цели» Крживицкого, по меньшей мере, столь же фантастичны, как и цели восстания 1863—1864 г. В то же время, «пути» к этим «целям», намеченные автором лишь частично и в самых общих чертах, дойти дело до практики, вряд ли значительно отличались бы от «путей», отстаиваемых польским позитивизмом и теорией движения «органического труда».

Как мы видели выше, ряд идей, высказанных К. Крживицким, в той или иной форме присутствует в концепциях большинства польских публицистов второй половины XIX в., тем не менее, взятая в целом, политическая и «историософская» позиция, высказанная им в 1872 г., является в определенной степени уникальной.

По авторитетному мнению А. Л. Погодина все современные ему течения польской политической мысли имели свои корни в том, что «чувствовалось и высказывалось после восстания 1863—1864 г.» [4, с. 85] — то есть, в конечном счете, укладываются в рамки историко-политического феномена, обобщенно именуемого «польским вопросом». В настоящее время «польский вопрос» как фактор государственной политики целиком принадлежит истории. Однако, так или иначе, его отголоски все еще сохраняются в исторической памяти народов.

Историческая наука и история философии сегодня достаточно хорошо знакомы с основными направлениями и идеями польской общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX в. — от «правых» до «левых». Гораздо менее известны взгляды и позиции тех, кого, хотя и очень условно, можно назвать сторонниками «польского славянофильства». Едва ли не самым последовательным, ярким и значительным представителем этого течения во второй половине XIX в., несомненно, является Казимир Крживицкий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаккебуш М. М. Воскресающий Лазарь. (Русско-польский недуг). М., 1906.
2. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
3. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. Спб. 1909.
4. Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли (1863—1907). Спб., б/г.
5. Польша и Россия в 1872 г. Сочинение бывшего члена Государственного Совета Царства Польского // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 4. М., 1874. (Предисловие. С. I — 14. Текст. С. 1— 86).
6. Спасович В. Д. Сочинения. Спб. 1902. Т. 10.
7. Pismo zbiorowe wydawane staraniem i nakładem towarzystwa naukowego młodzieży polskiej w Paryżu. ?/м. 1865. Т. 1.
8. Polski siownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk. 1970. Т. 15.
9. Stanisław Z. Porozbiorowe aspiracje polityczne narodu polskiego. We Lwowie. 1882.